

Матиевский, Н. Шумят березы над могилой / Н. Матиевский // Сцяг Ільча (Талачын). — 2000. — 26 студз. — С. 2.

ШУМЯТ БЕРЕЗЫ НАД МОГИЛОЙ

Очерк

*Мы слышали, как стонет тишина
В горах афганских после взрыва,
Как эхом полнітся она
И в сердце рвется торопливо.
Все девять лет вогне горит земля,
В чаду войны, в крови и плаче,
Неужто не могла моя страна
С Афганом поступить иначе?
Мы слышали, как стонет тишина
И как в потоке бед немеет.
И с каждой похоронкою она
В сердцах и душах наших сиротеет.*

Денисов Евгений Викторович. Родился 22 января 1964 года в деревне Речки. В 1981 году окончил Жукневскую школу, в 1982 – Оршанскую автошколу. Был призван на службу в Советскую Армию. Погиб 4 июля 1983 года. Похоронен на родине.

К рассказам матерей погибших воинов-афганцев никогда не останешься равнодушным. В них – боль, скорбь, то горе, которое не передашь никакими словами. И никакое сопереживание, сочувствие не поможет этим безвременно поседевшим женщинам, чьи безусые сыновья не вернулись с той кровавой, чужой войны. С матерями они говорят пожелтевшими письмами, на которых обратный адрес: полевая почта. Часто их перечитывают и снова плачут, снова бегут к могилке, чтобы, как птицы-наседки, укрыть их всем своим хрупким телом, из которого вырываются стон и рыдания.

В деревне Речки жил, казалось, неприметный паренек Женя Денисов. Но все его очень любили, дорожили его дружбой. Уважали за широту доброй души, искренность. Женя любил свою деревню, людей, крестьянский труд. Еще будучи школьником, брался за любую работу во время каникул и управлялся с ней не хуже, чем взрослые. Помогал всем, кто нуждался в помощи, был всегда справедлив и честен. Любил спорт, особо увлекал его биатлон.

– Женька – парень каких поискать, – вспоминает его лучший друг Сергей Шемет. – Мы с ним были не разлей вода. Он умел понять с полуслова, с ним всегда было спокойно и надежно. Он просто был настоящим парнем и другом.

А вот воспоминания учительницы Евгения Денисова Елены Васильевны Сырцовой:

– Женя был очень серьезным паренком, трудолюбивым, очень дружеским. К нему тянулись ребята, его слово имело вес в классе. Иногда он и нам, учителям, приходил на помощь...

Пришло время и срочной воинской службы. Наверное, не случайно Денисова зачислили в разведывательную роту, ведь в разведчики берут самых смелых и сообразительных. «Живем хорошо, – писал он родителям. – Ребята отличные. Весело, здорово, хотя и трудно. Подъем в

шесть утра – и на полную катушку занятия, тренировки, изучение техники, тактики, воинских уставов...».

В письмах Евгения можно почувствовать и его настроение, и сложность обстановки, и тревогу. «Был на тактических учениях, потом на задании в горах. Свободной минуты почти не было. И сейчас пишу в БТР, держу тетрадку на коленях. У меня все хорошо. Красивая и живописная эта страна – Афганистан. Добрые, работающие здесь люди. А сейчас душманы, точно шакалы, бродят в горах, нападают на мирных жителей. Мы пришли по просьбе Афганистана, чтобы помочь народу, защитить людей от вооруженных бандитов...».

Он скучал без родных, вспоминал свои Речки: «Мои дорогие! Напишите, как дома, как в колхозе. Помнят ли меня в деревне? Я рад каждой весточке. Только сейчас понял, как это дорого и свято – родная земля, поля, наши рощи, озера. Как хочется быстрее всех вас увидеть, расцеловать...».

И тут же тревога, о которой он доверительно писал брату: «Генка! Маме – ни слова. Писем долго не будет, и она будет волноваться. Уходим на большое задание...».

*Пожелай, пожелай, командир,
Чтоб удача нам не изменила.
Чтобы в памяти чьей-то всегда
Наше место не занято было,
Чтобы нас ожидала семья.
И чтоб Родина нас не забыла.*

Он словно знал, будто предчувствовал, что очередной выход советских бойцов в горы будет для него последним. О подвиге Евгения Денисова коротко, сухо, без эмоций, но убедительно сказано в представлении к награде: «... Прикрывая отход товарищей от напавшей банды душманов, обеспечив им выход на более выгодные позиции, израсходовал все боеприпасы и оказался в окружении мятежников. Пытаясь вырваться из кольца, взорвался на вражеской мине...».

За этот подвиг Евгений Денисов был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

*Бой гремел в окрестностях Кабула,
Ночь светилась всплесками огня...
Не сломало нас и не согнуло, –
Видно, люди крепче, чем броня...*

«Выполняя свой интернациональный долг, – писали комсомольцы части, в которой служил Евгений, его матери Нине Петровне, – Ваш сын проявил себя исключительно храбрым и отважным воином... В одном из боев он лично уничтожил семь бандитов...»

Мы все его очень любили. Своей жизнерадостностью он воодушевлял нас. Женя любил Родину, как мать, и отдал во имя всего этого свою короткую, но яркую жизнь. Мы целуем Ваши материнские руки в благодарность за воспитание такого прекрасного человека...».

*Верность, доблесть, отвага и честь –
Эти качества не на показ.
У Отчизны героев не счесть,
Время выбрало нас.*

Да, он был мужественным парнем, наш земляк Евгении Денисов. Вот что о нем писала в те годы армейская газета:

«...от автоматного треска здорово звенело в ушах. Евгений даже не сразу понял, что стрельба утихла и над ущельем повисла гнетущая тишина.

Вскоре ее причина стала ясна. Душманы решили изменить тактику.

– Живым хотите взять? Ничего у вас, гады, не получится... – Денисов пристегнул к автомату новый магазин. «Последний, – про себя отметил Евгений. – Значит осталось только тридцать патронов. Все их я выпущу в бандитов...».

Денисов нащупал фляжку, прикрепленную к ремню. Отстегнул ее, встряхнул. Только на самом доньшке плескалось немного воды. Евгений бережно открутил крышку, и солдаты разделили последнюю воду поровну, по глотку.

Похоже, приближался финал. Замысел бандитов, как выяснилось, был таков: под покровом темноты подойти к советским воинам как можно ближе и решить исход, поединка внезапным броском.

Воины понимали трудность своего положения: боеприпасы у них были на исходе.

– Экономно расходовать боеприпасы. Стрелять только наверняка, – распорядился капитан Федосенко.

– Командир, у меня еще граната есть, – отозвался Денисов. – А отстреливаться будем до последнего патрона. Все они достанутся душманам.

Неожиданно ущелье озарилось ярким светом. «Осветительная ракета... Но зачем она бандитам?» – недоумевали воины. В этот миг в тылу душманов загрохотали выстрелы, и бандиты, не ожидавшие внезапного удара, бросились врассыпную, начисто позабыв о советских воинах, которых еще недавно намеревались уничтожить.

– Наши подросли! Наши подросли! – несколько раз повторял Евгении эти слова. А руки по-прежнему сжимали автомат...

С остатками банды расправились сообща. А затем опять нелегкая горная дорога. Бой все же задержал наших воинов, а в горном кишлаке ждали помощи.

Взвод свалился на душманов, как снег на голову. Те, очевидно, были полностью уверены, что через Черное ущелье подразделению не пройти, даже не выставили должной охраны.

Бой в кишлаке был скоротечным. Жалкие остатки банды спешно отошли в горы.

За этот бой по освобождению горного кишлака Евгений Денисов был представлен к государственной награде».

Я тоскую по родной стране,

По ее рассветам и закатам

На Афганской выжженной земле

Спят спокойно русские ребята...

Мы сидим с Ниной Петровной Денисовой в ее теплом уютном домике и перечитываем пожелтевшие уже письма Жени из Афганистана. Она их знает наизусть, но с большим вниманием, горькой печалью вслушивается в мой дрожащий от волнения и сострадания голос. Сколько в этих письмах тепла, доброты, человеческого достоинства и заботы о самом дорогом человеке. Он так не хотел, чтобы она волновалась, жалел ее слабое материнское сердце. Он так любил ее... Нет, больше нет силы читать. Глаза застилают слезы...

– А старший мой Генка, – всхлипывает Нина Петровна, – тоже на войне побывал. Он в Москве служит, в милиции, и их направили в Чечню. Однажды пришло сообщение о его ранении... В больницу попал, думала, что уже все, конец. Но Гена выжил...

Боже мой! Да за что же этой бедной женщине, простой крестьянке, такие испытания?! Мы все должны руки ей целовать. Будь прокляты эти войны и те, кто начинает их! Они же забирают от нас навсегда таких славных парией, как Евгений Денисов. Боже, останови безумство! Подумай о наших матерях, их выплаканных до белизны глазах, их преждевременных сединах, надорванных повседневной болью сердцах... Боже мой!..

Нет горя чужого для русских сердец,

У нас не такие истоки!

Об этом в Европе поведал отец,

И ты, подтвердил на Востоке.

Николай Матиевский